

*Ю.Е. Пермяков**

ПРАВОВАЯ НОРМА В ОБРАТНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В современной юриспруденции норма права обычно рассматривается как веление, адресованное государственной волей неопределенному кругу лиц. В статье предложено осмыслить проблематику, открывающуюся из обратной перспективы. Взгляд на правовую норму как нормативное основание собственного поступка раскрывает ее значение в индивидуальной стратегии поведения.

Реализация права, где гражданин мыслится адресатом властных распоряжений, обязывает науку к созданию теоретической модели управления людьми посредством юридических норм. Эта наука создана усилиями нескольких поколений российских юристов — как дореволюционных, так и советских. Представить раздел учебника по уголовному процессу, который бы назывался «защита от незаконного обвинения» или «принуждение следователя к исполнению процессуальных обязанностей», пока очень трудно. Даже книги, посвященные адвокатской защите, как правило, ориентированы на ознакомление читателей с нормативными основами адвокатской работы и отдельными решениями судов, тематически объединенными в главы о повседневной жизни.

Категориальный аппарат современной юридической науки рассчитан на объяснение правовых конструкций в качестве инструмента действующей политической воли. Интерпретация правовой нормы в этом случае не может быть чем-либо иным помимо отгадывания и уяснения господствующей воли благонадежным исполнителем. И хотя правоприменительная практика за полтора последних десятилетия обогатилась важными для нового взгляда на право судебными прецедентами и новыми юридическими возможностями, язык науки по-прежнему более охотно восприимчив к холистской терминологии «большого порядка». Повествуя об отрасли права или каком-либо правовом институте, автор обычно задается целью оптимизировать процесс регулирования общественных отношений, на меньшее — вроде создания логической модели поведения в той или иной правоприменительной ситуации — он обычно не соглашается. О такой возможности специалисты в области публичного права большей частью даже не осведомлены, искренне полагая, что юридическая наука может содействовать развитию гражданского общества лишь тогда, когда поступает на службу к государству.

* © Пермяков Ю.Е., 2006

Пермяков Юрий Евгеньевич — кафедра теории и истории государства и права, международного права Самарского государственного университета

Однако совершенствование законодательства, государственной политики и управления — не единственное предназначение юридической науки. Она могла бы разрабатывать стратегии поведения для широкого круга граждан, вовлеченных в правовую жизнь общества, и предлагать им нечто более серьезное, нежели комментарии к законодательству, рекомендации по составлению жалоб и исковых заявлений и наставлений о том, как выжить в тюрьме. Следует, правда, предвидеть сложности на этом пути, поскольку язык, мышление и система категорий современной юриспруденции не вполне отвечают этой задаче. Практическая юриспруденция пока не заявила о себе как наука, но уже присутствует в современной жизни в качестве разновидности социальной технологии.

В этой связи представляется целесообразным сосредоточить усилия правоведов на уяснении функций права в обратной перспективе — от нормы, заданной существованием личности, к норме, описывающей деятельность государственных учреждений и поведение контрагентов. В этом необычном ракурсе норма не сохраняет признаки автономной воли, становясь элементом социальной технологии, бессубъектным институциональным механизмом реализации прав и свобод граждан. Здесь норма права из правила поведения, обращенного к адресату, приобретает значение стимула для исполнительной власти, языка общения с контрагентом и довода, предназначенного суду.

Норма права, из которой удалена воля государства, предстает логической конструкцией, моделью возможных правовых суждений. В такой плоскости ее интерпретация приобретает совсем иной смысл, нежели служение ее создателю. Ссылаясь на норму права, субъекты избавляют себя от лишних и обременительных объяснений собственной мотивации. И потому норма права приобретает экзистенциально важное значение аксиоматического основания поступка.

Человек в пространстве права способен перемещаться, меняя свое положение в контексте, выходя из круга действия одной нормы и попадая в зону действия других правовых смыслов и значений. Эти перемещения сопровождаются правовыми суждениями, поскольку смена правовых статусов достигается лишь в том случае, когда у контрагентов и официальных инстанций образуются основания для соответствующих признаний наших притязаний. Используя связь формально-юридических конструкций, мы раскрываем свое местонахождение для другого, как и другого воспринимаем только в качестве расположенного в юридическом контексте субъекта. Формально-юридические конструкции выбираются нами в качестве символов социального общения. В правовом общении мы всегда расположены внутри сюжета, определяемого правовой процедурой или юридической конструкцией. Однако образ другого, к поведению которого мы подбираем ключ, смещен и несколько расплывчат. В магазине посетитель, внимательно рассматривающий ценник, может оказаться как покупателем, так и проверяющим из какой-либо организации, контролирующей соблюдение правил торговли.

Люди находятся в постоянном движении, траектория которого нами угадывается на основании имеющихся у нас правовой осведомленности, опыта и знания юридических процедур. Порою разброс интерпретаций достаточно велик, и тогда норма права приобретает значение индекса, т.е. дополнительного средства социальной идентификации. Норма права выполняет логическую функцию реестра значений, что особенно характерно для дефинитивных норм и указателя последовательности изменений, происходящих с субъектами права внутри какого-либо юридического процесса. Так, ознакомление следователем обвиняемого с постановлением об окончании следствия знаменует переход к судебной стадии производства по уголовному делу и необходимости выработки сообразно этой стадии новой стратегии защиты.

Специфические значения правовой нормы раскрываются в анализе индивидуальных стратегий социального поведения. Можно указать лишь на некоторые из них, отдавая отчет в том, что более основательное описание и классификация моделей правового поведения остаются делом будущего.

1. «*Артикуляция юридической проблемы*». Благодаря правовой оценке проблема, имеющая много аспектов и затрагивающая неопределенный круг участников, приобретает в этой стратегии схематичный, упрощенный вид. Благодаря сознательной редукции люди приобретают знание о способах, которыми они располагают в защите своих законных интересов. В идеальном варианте юридическая артикуляция завершается формулировкой однозначно трактуемого вопроса. Какие-то жизненные оценки и аспекты неизбежно отходят на второй план и становятся малосущественными. Здесь важно сохранить индивидуальный смысл ожидаемых правовых последствий. С этой точки зрения важно знать, какие юридические процедуры и официальные учреждения латентно присутствуют в идентификации юридической проблемы, поскольку далеко не всегда овчинка стоит выделки. Использование юридических технологий в разрешении проблемы сопряжено с предельным обнаружением людьми их интересов и занимаемой позиции.

Выигрыш, успех сопутствуют тем, кто артикулирует проблему так, как именно то или иное компетентное официальное учреждение видит собственную задачу, подлежащую разрешению в порядке, установленном законом.

В рамках этой стратегии в качестве тактических целей можно отметить принуждение к дискурсу официальных суждений, документирование занимаемых позиций, поиск и закрепление доказательств, выбор и обоснование логики доказывания.

2. «*Технология принуждения*». Норма права служит достаточным и авторитетным обоснованием принуждения контрагента к действию, поскольку неисполнение юридической обязанности сопряжено с изменением статуса и порицанием. Если требование о добровольном восстановлении нарушенного права было оставлено правонарушителем без внимания, субъект нарушенного права имеет законное основание для обращения за помощью в официальные учреждения.

Посредством правовой квалификации можно максимально четко и полно зафиксировать факт и объем нарушенного права. Сделать это не всегда просто, поскольку нарушения прав не всегда сопровождаются выдачей официальных свидетельств. У виновных лиц обычно нет мотива для публичного обнаружения собственной вины, но его можно вызвать, если право содержит поощрительные нормы и предлагает некоторые стимулы в пользу добровольного возмещения вреда. Здесь возможны несколько вариантов тактического поведения.

— Принуждение к ответу перед официальной инстанцией, куда направлена жалоба. Юридические конструкции не могут исключить ложные интерпретации конфликта, но от законодателя зависит, будет ли труд фальсификатора легким.

— Провокация косвенного ответа для подтверждения каких-либо объективных обстоятельств. Подобно тому, как косвенные улики оказываются достаточными для признания лица виновным в совершении преступления, в споре, вытекающем из публичных правоотношений, гражданин также вправе строить стратегию защиты нарушенного права с помощью косвенных доказательств. В процессуальной норме и судебной практике так или иначе всегда содержится *стандарт доказанности*, меняющийся в зависимости от специфики затрагиваемых спором интересов.

— Использование тактики «параллельного конфликта». Речь идет о прогнозировании и создании ситуации, в которой важное для восстановления нарушенного права сообщение играет положительную роль для виновных лиц.

Тактика «параллельного конфликта» обычна в тех ситуациях, когда какое-либо событие или факт, помещенные в разные контексты, приобретают несколько юридических значений. Настаивая на признании юридического значения факта, правонарушитель допускает существование самого факта, и вывод о его втором юридическом значении в рамках другой процедуры становится неизбежен.

— Формирование у сотрудников мотива для дистанцирования от официальной позиции, если нарушение права исходит от учреждения и преследует цель защиты ведомственных интересов.

— Содержание обращения или жалобы должно соответствовать стадии рассмотрения дела внутри той или иной юридической процедуры.

3. *«Самостоятельная защита»*. В этой стратегии правовая норма призвана предотвратить покушение на охраняемое благо и причинение ему вреда. Здесь не предполагается наличие каких-либо посредников между сторонами конфликта. Законодательно сформулированные положения, устанавливающие правила самостоятельной защиты от покушения на благо (статья 37 Уголовного кодекса РФ о необходимой обороне, самозащита права в порядке статьи 12 Гражданского кодекса РФ), служат нормативной основой для совершения действий, которые могут формально подпадать под определение наказуемых поступков. Здесь от нормы права ожидают исполнения функции предельно однозначного различения правомерного от противоправного. Между тем правила самозащиты права и причинения вреда в ситуации необходимой обороны законом не сформулированы. Опубликованной практики по делам этой категории не встречается, не говоря уже о том, что она мало кого способна обязать к конкретным решениям. По сути дела законодатель провоцирует граждан на действия, которые легко поддаются вариативной квалификации и также легко могут составить фабулу обвинения. Учитывая уровень коррупции в правоохранительной системе и юстиции, такое положение дел следует признать недопустимым и опасным. В индивидуальной стратегии следует помнить о невысоком уровне нормативной защищенности и остерегаться совершать неоправданно рискованные поступки.

4. *«Защита от злоупотребления правом»*. Формальный характер права позволяет использовать его вопреки собственному назначению, что мы наблюдаем в случае сутяжничества, совершения юридических сделок с целью причинения вреда, нелегитимного уголовного преследования, имитации каких-либо юридических действий (например, в случае ложного банкротства) или бюрократизма. Злоупотребления правом разнообразны, но в стратегии поведения человека, оказавшегося жертвой злоупотреблений, можно выявить некие общие значения, которыми он наделяет правовую норму.

Во-первых, эффективное противодействие злоупотреблению правом предполагает критическое отношение к правовой форме. Между тем правовая форма создается именно для того, чтобы в силу собственной самооценности исключить постановку вопроса о том, что за ней скрывается. Выход из порочного круга видится в придании юридической норме абсолютного значения критерия правомерности. Возможно, в этой стратегии не все ситуации злоупотребления правом будут исключены, но таким образом устраняется возможность триумфа «диалектически мыслящего негодяя». Потерпевший от злоупотребления правом может рассчитывать на помощь именно той юрисдикции строгих форм, которая была задействована лицом с недобрыми целями. Поскольку большинство злоупотреблений начинаются с допущения некоторых обстоятельств, фивольного истолкования простых понятий, стратегия строгих формализованных определений здесь представляется уместной.

Во-вторых, заявление о злоупотреблении правом должно иметь процессуальные последствия, которые сегодня законодательством не предусмотрены. Это заявление дол-

жно влечь переход из одной процедуры в другую, подобно тому, как произнесение магических слов в древних культурах выполняло роль индексальных, т.е. указывающих на симптомы какого-либо явления, знаков. Действительно, если гражданское законодательство исходит из презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений (ст. 10 ГК РФ), злоупотребление правом не может быть объектом утвердительного суждения гражданина, констатация этого обстоятельства не освобождает его от исполнения, например, договорных обязательств. Если же задаться вопросом о том, что утверждается, когда имеют в виду злоупотребление правом, придется согласиться: ни причиняемые неудобства, если это не причинение непосредственного вреда, ни даже упорная воля (так называемые злые намерения) недостаточны для каких-либо юридически значимых выводов. Это понятие возникает лишь для суда, только он вправе устанавливать факт злоупотребления правом как знак особого отношения инстанции. В противном случае положение закона о недопустимости злоупотребления правом останется моральным пожеланием.

Заявление о злоупотреблении правом в гражданском процессе должно влечь юридические последствия, иначе это понятие не имеет практического смысла. Вопрос лишь в том, какого рода материальные и процессуальные последствия должны наступить, если заявление подтвердится, и какими обстоятельствами должны подтверждаться намерения лица, злоупотребляющего своим правом. Поскольку в праве граждане хотели бы видеть защиту от злоупотреблений, думается, что в авторитетном признании каких-либо действий злоупотребления правом суд избавляет от юридической ответственности контрагента, вынужденного защищать свои интересы формально противоправным способом. Иначе говоря, стратегия поведения потерпевшего от злоупотребления правом заключается в ожидании особого внимания со стороны юрисдикционного органа к ситуации, в которой вред интересам нанесен внешне законным образом.

5. «*Защита от интерпретации*». Возможность ложной, нежелательной или опасной интерпретации конституирует социальное поведение субъекта права особым образом: он вынужден употреблять символы, исключающие квалификацию его действий в качестве оснований юридической ответственности. Этой стратегии придерживаются как правонарушители, имитирующие законопослушный характер поведения и опирающиеся на показания лжесвидетелей, так и официальные учреждения, фиксирующие предпринимаемые ими действия в документах с особой формой (протоколах) и обращающиеся за помощью к независимым наблюдателям — понятым, свидетелям, техническим средствам и т.д. В ряде случаев закон принуждает стороны правоотношений к таким действиям, которые бы исключали ложную интерпретацию события. Таково, например, требование ст. 160 ГК РФ о соблюдении письменной формы сделки.

Придерживаясь стратегии защиты от ложной интерпретации, субъект права прогнозирует поведение инстанции и подчиняет свои действия символической форме, гарантирующей совпадение собственных притязаний с официальной оценкой.

6. «*Защита права*». Здесь объектом защиты выступает само право как важнейшая социальная ценность. Необходимость теоретического осмысления стратегии, нацеленной на сохранение ценности права, обусловлена тем печальным обстоятельством, что в современном российском обществе нивелируются основания права, с которыми общественность связывает работоспособность его институтов и эффективность правовых норм. Кризис правосознания и правовой культуры затронул не одну лишь Россию. В беседе с Мишелем Фуко в марте 1972 г. Жиль Делез заметил «Мы все группки. И потому представительства больше нет, есть лишь действие, действие теоретическое, действие практическое, находящиеся в отношениях перехода или сплетения» [1. С.67].

Однако задолго до разочарования интеллектуальной европейской элиты «шоу-властью» и «государством-мошенником» Хосе Ортега-и-Гассет в известной работе «Восстание масс» (1930 г.) поставил проблему утраты обществом потребности в праве как инструменте социального измерения. Там, где нет социальной иерархии, право как мера справедливости и свободы излишне. «Масса — всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, «как и все», и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью. <...> Особенность нашего времени в том, что заурядные души, не обманываясь насчет собственной заурядности, безбоязненно утверждают свое право на нее и навязывают ее всем и всюду» [2. С. 310-311].

Ситуация аномии и рассогласованности норм, описанная Р. Мертон, скрадывает моральные преимущества законосообразного поведения [1, С. 299-313]. Если общество лишено целостности, в нем невозможно осуществление правосудия. Тогда право как способность инстанции к универсальным суждениям уступает место аксиоматическим оценкам, действие которых ограничено групповой субкультурой. В условиях, когда пространство права еле просматривается, а его защитник выступает на этом поле героем-одиночкой, шокируя трезво мыслящее сообщество своими романтическими устремлениями, правовая норма приобретает значение символа принадлежности к иному образу жизни и иной, нездешней, культуре.

Библиографический список

1. Фуко Мишель. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2002.
2. Ортега-и-Гассет Хосе. Восстание масс; Он же. Эстетика. Философия культуры. М., 1991.
3. Мертон Роберт К. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М., 1966.

Y.E. Permyakov

A LEGAL NORM IN THE REVERSE PERSPECTIVE

The legal norms are studied by the modern jurisprudence as the demands of the state authority for an unpersonal member. The article reveals the problems of the legal norms in the reverse perspective. In aspect of the norm foundation of the own act the legal norm display its meaning in the individual strategy.